



---

## ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

*От Издательства*

*Секрет успеха Генри Мортон Стэнли заключается в сочетании самых разных факторов. Это и упорство, и жажда открытий, и организаторские способности, и отчасти везение — ведь его кандидатура в качестве руководителя экспедиции по спасению Дэвида Ливингстона не выделялась чем-то особенным. А еще Стэнли обладал несомненным журналистским нюхом и талантом писателя.*

*В свое время Стэнли был известен прежде всего как репортер. Его репортажи из Африки заставляли сопереживать людей из разных уголков планеты. Не обходилось без преувеличений и красивых фраз, но публика получала именно то, что хотела. Состоялся Генри Мортон Стэнли и как писатель. Его книги, в отличие от репортажей, более размеренные и вдумчивые. Они не изобилуют сенсационными подробностями, в них акцент делается на другом — на кропотливой и тяжелой работе, которой неизбежно сопровождается любая серьезная экспедиция.*

*Стэнли совершил три больших путешествия в Африку и о каждом написал книгу. Первая вышла в свет в 1872 году, вторая — в 1878-м, и третья — в 1890-м. Эта последняя книга и легла в основу нашего издания. Сразу после появления она, как и предыдущие, стала бестселлером и была переведена на многие языки, в том числе на русский. Главной целью экспедиции было спасение Эмин-паши, правителя египетской провинции Экватория. Эта задача была решена, и при этом Стэнли и его товарищи сделали несколько значительных географических открытий и расширили знания о коренных обитателях Африканского континента.*

---

---

---

## СОДЕРЖАНИЕ

### «Мое истинное "Я" прячется во тьме...»



12

*«Мое истинное "я" прячется во тьме. Оно слишком высоко парит для такой ничтожной среды, как брненное тело, которое каждый день ставит препятствия на пути духа» — так он думал и жил и тогда, когда был безвестным Джоном Бэчем из Уэльса, и когда принял фамилию Роулэндс, и когда «волею судьбы» стал Генри Мортон Стэнли, «американцем из Нового Орлеана».*

### Генри Мортон Стэнли В ДЕБРЯХ АФРИКИ



#### От устья Конго до Стэнли-Пула

*Суданские трубачи подняли лагерь в 5 часов 15 минут утра; в 6 часов палатки убраны, люди расставлены отрядами: каждый отряд под командой своего начальника — перед той частью багажа, которую ему предстояло нести. В 6 часов 15 минут я выступил с авангардом; за мной, на небольшом расстоянии, весь караван, вытянувшийся гуськом.*

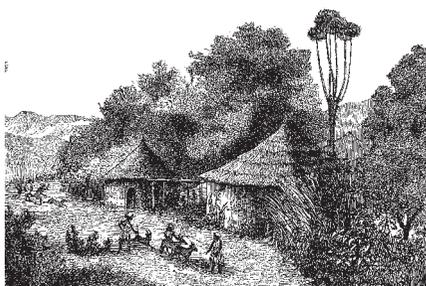
23

#### От Стэнли-Пула до Ямбуи



38

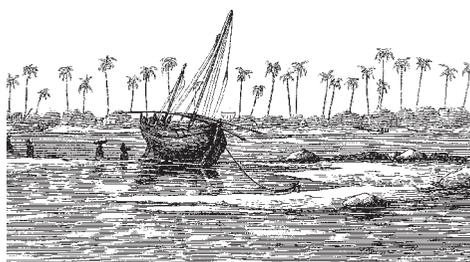
*Я спокойно сидел в кресле-качалке, в каких-нибудь 12 метрах от берега, и с каждым поворотом винта глазам моим представлялись все новые бесконечные сочетания этих деревьев, кустов, все новые массы зелени, лиан, цветов и бутонов.*



## Ямбуя

*Мне все представляется мой «идеальный правитель»: он ободряет свой гарнизон, поощряет свое храброе воинство; его рука простерта в ту сторону, откуда должно прийти подкрепление.*

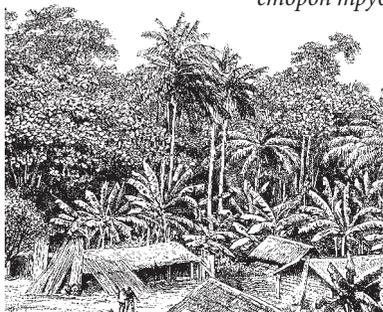
45



## От Ямбуи до водопадов Панга

56

*Дикари прибегли к своей обычной тактике и всю ночь старались тревожить нас на разные лады. То они закидывали к нам отравленные стрелы и копья, которые, вертикально падая, втыкались внутри нашей ограды, то раздавались внезапные крики, вой, рычание, угрозы; по временам с разных сторон трубили в рога, как бы собираясь учинить генеральную атаку.*



## От водопадов Панга до лагеря Угарруэ

*В 8 часов утра опять пошел дождь — это уже пятый дождливый день в нынешнем месяце. И без того довольно всяких печалей, а тут еще эти вечные ливни! Минутами так и кажется, что приближается конец света и вот сейчас вселенная разрушится. Разверзлись хляби небесные...*

80



## От Угарруэ к Килонга-Лонге

102

*Экспедиция снова сформировалась из отборных людей. Я значительно успокоился насчет колонны аррьергарда и относительно судеб наших несчастных больных.*



### У маньемов в Ипото

Каждый малейший обломок такой кости, попавший в руки арабского купца, наверное, 119  
 был обогрен потоками человеческой крови. Каждый килограмм  
 кости стоит жизни мужчине, женщине или ребенку;  
 за каждые пять килограммов сожжено жилище;  
 из-за пары клыков уничтожалась целая деревня,  
 а за каждые два десятка погибала целая область  
 со всеми жителями, деревнями и плантациями.



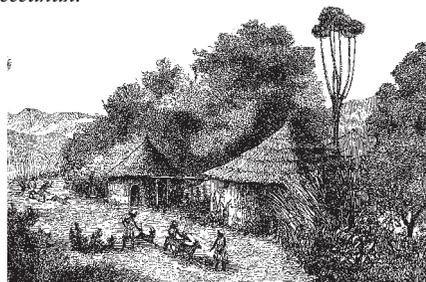
### По лесам до Мазамбони

130 15 бананов и початок кукурузы являются царским пиром сравнительно  
 с порцией из двух початков, или просто из горсти ягод, или из дюжины грибов. Однако  
 и эта роскошь не очень развеселила мою команду,  
 хотя от природы эти люди очень расположены  
 к беззаботному веселью.



### Прибытие к озеру Альберт и возвращение в Ибуири

Сколько деревень мы прошли, ничего не тронув! Но этого они, 164  
 по-видимому, нисколько не находили похвальным для нас, а приписывали скорее  
 нашему малодушию и трусости. Мы инстинктом чуяли, что наше  
 скромное поведение принимают за сознание нашего бессилия.



### Жизнь в форте Бодо

183 Придя в Западное Ибуири, перед построением форта Бодо; я чувствовал  
 себя в положении негодяя из Сити, вернувшегося из краткой отлучки  
 в Швейцарию или на морские купания и очутившегося перед грудой деловых  
 писем, накопившихся в его отсутствие и требующих серьезного внимания.



## Второй раз к озеру Альберт

195

*В полдень 2 апреля 1888 года, после мелкого дождя, моросившего все утро, мы опять выступили в поход с целью в другой раз попытаться найти пашу и проникнуть в окружающую его тайну.*



## Встреча с Эмин-пашой

208

*В 8 часов среди радостных кликов и ружейных салютов вошел в наш лагерь сам Эмин-паша, сопровождаемый капитаном Казати, мистером Джефсоном и одним из своих офицеров.*



## Отправляемся выручать арьергард

220

*Сознаюсь, когда мужчины, женщины и дети начинали петь и голоса их заглушали барабанные удары и непрерывную болтовню и смех толпы, я испытывал живейшее удовольствие, особенно если певцами были люди из племени ваньямвези — бесспорно, наилучшие хористы Африканского материка.*



## В третий раз отправляемся к Ньянзе

250

*Всякий внимательно следивший за моим рассказом, вероятно, заметил, что почти каждое роковое событие, до сих пор случавшееся в экспедиции, было лишь последствием нарушенного обещания. Из целого миллиона человек едва ли бывает хоть один, для которого сообразоваться со своим собственным обещанием не казалось бы труднейшим подвигом.*



## Великие леса Центральной Африки

*Попробуйте положить руку на дерево или растянуться на земле, присесть на обломившийся сук, и вы постигнете, какая сила деятельности, какая энергичная злоба и какая истребительная жадность вас окружают.*

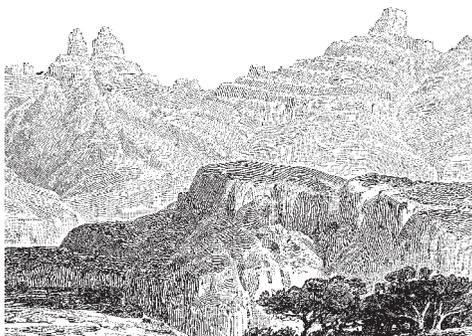
286



## Идем домой на Зазибар

314

*Объявлено, что завтра с утра выступаем в поход к Занзибару. Это вызвало целую бурю восторженных рукоплесканий. Мпинга, мзири, муитэ, малаи, вабиасси, мазамбони и балегги доставили 350 носильщиков. Сегодня они собрались и все вместе пляшут, поют и угощаются.*



## Рувензори — Царь облаков

*Много веков прошло с тех пор, как видел их кто-либо, способный толково передать повесть о своих исследованиях, и может случиться, что еще много лет пройдет, прежде чем опять увидит эти горы путешественник.*

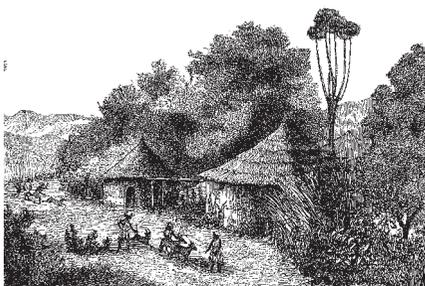
345

## Рувензори и озеро Альберт-Эдуард



357

*Вид на озеро Альберт-Эдуард с начала до конца был не похож ни на один из видов как сухопутных, так и водных пространств, когда-либо мной наблюдаемых.*



## Через Анкори до Александра-Нила

*Хотя быть гостем могущественного африканского короля чрезвычайно выгодно в экономическом отношении, однако есть и невыгодные стороны. Так, например, подданные его, удручаемые постоянными поборами, становятся очень сердиты и беспрестанно пристают к нам с жалобами, иногда даже вовсе несправедливыми.*

376

## Племена, населяющие луговую область

394

*Вахумы составляют полнейшую противоположность пигмеям. Пигмеи — карлики, кочующее племя, вполне приспособленное к жизни в лесу; вахумы — высокого роста, красиво сложенные люди, с чертами лица почти европейского типа, с незапамятных времен привыкшие жить только в луговой области.*



## К южному концу озера Виктория

*Взяв проводников из Кимуани, мы направились к югу, и за 5 км от селения Кажумбы нам представился чудный вид на озеро Виктория, на острова Икуту, Меджингу, Сосу, Румонд и на дальний остров Мейсомэ.*

408

## От Виктории-Ньянцы до Занзибара

424

*Людей отвели в хижины, нарочно выстроенные на берегу, и, когда они сняли с плеч свои вьюки и в последний раз опустили на землю длинную вереницу гамаков и носилок, в которых тащили больных мужчин, женщин и бедных ребятишек, воображаю, как они радовались и какое чувствовали облегчение! Да, по всей вероятности, они не меньше моего понимали, что значит для нас наконец прийти к морскому берегу!*



---

## «МОЕ ИСТИННОЕ "Я" ПРЯЧЕТСЯ ВО ТЬМЕ...»



**П**остоянная борьба и желание добиться успеха в попытке оттолкнуться от дна и достичь самых высоких вершин. Авантюризм и жажда славы. Смелость и предприимчивость. Цели, для достижения которых оправданы практически любые способы. Невероятная энергия и стремление к идеалам, которые не всегда были понятны современному ему обществу. «Мое истинное "я" прячется во тьме. Оно слишком высоко парит для такой ничтожной среды, как брэнное тело, которое каждый день ставит препятствия на пути духа», — так он думал и тогда, когда был безвестным Джоном Бэчем из Уэльса, и когда принял фамилию Роулэндс, и когда «волею судьбы» стал Генри Мортонем Стэнли, «американцем из Нового Орлеана».

Детство будущего знаменитого путешественника протекало в далеко не самых благоприятных условиях. Называя вещи своими именами, с самых юных лет жизнь Джона Бэча, родившегося 28 января 1841 года в городке Денби, протекала в постоянной борьбе за существование. Его родителями были сын богатого фермера по фамилии Роулэндс и 18-летняя Бэтси Перри, происходившая из бедной семьи. Джон был незаконнорожденным ребенком — со всеми вытекающими отсюда последствиями в духе классических романов Чарльза Диккенса.

Впрочем, первые три или пять (здесь данные биографов разнятся) лет жизни Джона прошли относительно благополучно. Отец Бэтси, Мозес Перри, благосклонно отнесся к «проступку» дочери, что было нехарактерно для тогдашних нравов викторианской Англии. Проблемы начались после того, как Мозес Перри умер. Родственники знать не хотели Бэтси, которую считали падшей. Отец Джона не имел желания заниматься воспитанием ребенка. Бэтси пришлось идти в услужение, а ребенка сдать на воспитание в дом жившего по соседству фермера Прайса. Здесь было мало хорошего — у Прайсов было полно своих детей, и времени на «бастарда» у них попросту не было.

Но это были, как говорится, только цветочки. Когда Джону исполнилось семь лет, Бэтси оказалась совсем без средств и не смогла платить даже скудные гроши за воспитание сына. И в результате она была вынуждена отдать Джона в рабочий дом в городе Сент-Асаф.

\* \* \*

История Британской империи, при всем своем великолепии, знает немало позорных страниц. И рабочие дома — это одна из них. «Меня ничто уже не могло испугать после того, что я перенес в приюте», — писал впоследствии Стэнли в своем дневнике.

«Первый и основной принцип, применяемый повсеместно, состоит в том, что положение бедняка в целом не может быть таким же приемлемым, как положение

независимого работника. Каждый пенни, потраченный на то, чтобы сделать положение бедняков более достойным, чем положение независимых работников, — это праздная и вредная щедрость» — так прямо, без лишних сантиментов, писали составители так называемого закона «Об усовершенствовании и лучшем применении Законов о бедных в Англии и Уэльсе», принятого в 1834 году. Существовавшая до того система опеки явно не справлялась со своими задачами. Расходы на помощь бедным стали превышать все мыслимые пределы; существовавшие нормы фактически не делали разницы между теми, кто действительно нуждался в помощи и кто вполне мог заработать себе на жизнь. Так что реформы на самом деле назрели, однако сделаны они были исходя из принципов, что бедность — это порок и отношение к бедным должно быть соответствующим.

Основой реформы стали работные дома. Они существовали и раньше, однако с 1834 года отменялись все пособия, и человек, обратившийся за общественной помощью, принудительно помещался в работный дом. Даже на бумаге, по задумке авторов нового закона, эти учреждения подчинялись весьма строгому регламенту. Тяжелая работа, особенно для мужчин, от зари до зари; порядки, весьма напоминавшие тюремные; наказания за малейшие провинности. А на деле же ситуация усугублялась колоссальными злоупотреблениями на местах. В середине 1840-х, как раз тогда, когда Джон Роулденс\* пребывал в Сент-Асафе, разгорелся так называемый Андоверский скандал — общественности стали известны подробности жизни работного дома в Андовере, в графстве Хэмпшир. Управлявший этим домом некто Колин Макдугал довел своих подопечных до того, что, например, мужчины, занимавшиеся дроблением костей животных на удобрения, дрались за эти кости, чтобы обглодать куски давно протухшего мяса.

Неудивительно, что единственным желанием Джона в работном доме было как можно быстрее его покинуть. Правда, при всех ужасах работного дома юноша, на удивление, встретил там нескольких неплохих учителей, благодаря которым он получил вполне сносное начальное образование. Там же Джону привили и любовь к чтению и, что совсем неудивительно, любимым его развлечением стало чтение книг о путешествиях и путешественниках.

Некоторые биографы утверждают, что таланты юного Джона обратили на себя внимание начальника приюта, человека, который, мягко говоря, не отличался добротой нравов. Он якобы и уговорил одну из тетюшек Джона, чтобы та забрала племянника к себе. Верится в это с трудом, однако, так или иначе, в возрасте 15 лет Джон Роулденс действительно покинул работный дом и переселился на ферму. Ему было поручено пасти овец — это было лучше, чем работный дом, но все же совершенно не то, о чем мечтал Джон.

\* \* \*

Достаточно быстро уйдя от тетюшки, Джон за пару лет перепробовал немало занятий. Довелось ему поработать и грузчиком в порту. Здесь он познакомился с капитаном корабля, отправлявшегося в Соединенные Штаты. Юноша уже давно мечтал об Америке и сумел уговорить капитана взять его с собой в качестве юнги. Летом 1859 года 18-летний Джон Роулденс высадился в Новом Орлеане.

Если верить дневникам самого путешественника, в Новом Орлеане ему довелось претерпеть немало бед и лишений, пока судьба не свела его с богатым торговцем Генри Хоупом Стэнли. Бездетный предприниматель был настолько впечатлен сметливостью и расторопностью юноши, что сначала взял его себе в помощники,

---

\* Джон самовольно сменил фамилию Бэч на фамилию отца; когда именно он это сделал, достоверно неизвестно. (Здесь и далее, если не указано иное, — примечания редактора.)

а затем и вовсе усыновил. Однако современные биографы на основании ряда документов опровергают этот факт. Сам путешественник, в частности, утверждал, что его приемный родитель умер спустя два года после их знакомства, однако достоверно известно, что Генри Хоуп Стэнли был жив как минимум до 1878 года.

Так или иначе, но в 1861 году человек по имени Генри Мортон Стэнли (и отныне мы будем называть его именно так) записался в армию Юга — в США начиналась гражданская война, и обеим армиям нужна была свежая кровь и новые добровольцы. 20-летний молодой человек принимал участие в походах под руководством генерала Эдварда, одного из лучших командиров армии Конфедерации. В апреле 1862 года в сражении при Шайло (штат Теннесси) Стэнли попал в плен. О дальнейших событиях существует две версии: героическая и более прозаическая. Согласно первой, Генри вместе с другими пленными должны были расстрелять. Их везли в какой-то клетке, из которой Стэнли сумел выбраться благодаря своей худобе. Северяне спохватились, над головой убегающего юноши засвистели пули, но он сумел благополучно скрыться в ближайшем лесу. Согласно же второй — и, скорее всего, более правдивой — версии Стэнли отсидел некоторое время в тюрьме и затем благоразумно решил записаться в армию, теперь уже северян. В июле 1864 года он перешел во флот, став матросом корабля «Миннесота» и служил на нем до окончания военных действий.

После этого Генри Мортон Стэнли переквалифицировался из военного в журналиста. В 1867 году он получил свое первое большое задание — освещать расширение американских владений на запад для газет «*Missouri Democrat*» и «*New York Tribune*». Он отдавал должное мужеству индейцев, однако считал, что их истребление — это «не вина белых, а следствие неукротимой дикости самих краснокожих». Так или иначе, репортажи Стэнли, что называется, «зашли публике» и в следующем году его отправляют за границу — в Османскую империю. Однако эта экспедиция окончилась плачевно — журналист попал в тюрьму, и вызволение его оттуда стоило немалых усилий.

В том же 1868 году случился кризис в Абиссинии. Его причины трактуются по-разному, в зависимости от точки зрения на этот конфликт. Император Теодрос II, как заявляли британские и французские источники тех лет, захватил британского и других посланников, и для вызволения заложников были направлены экспедиционные силы. Другая версия гласит, что стремившимся построить централизованное государство императором были недовольны как местные крупные феодалы, так и англичане, и в итоге последние решили развязать войну, чтобы «решить проблему».

Британские войска по сути не встретили серьезного сопротивления. К началу апреля 1868 года они одержали ряд побед и приблизились к крепости Магдала (Мэкдэла), где укрылся Теодрос II и его свита. 13 апреля Магдала была взята, а эфиопский император застрелился из револьвера, который, по иронии судьбы, в свое время был подарен ему королевой Викторией.

Стэнли, сопровождавший британский экспедиционный корпус, усердно описывал происходящее в своих заметках, а его репортаж о взятии Магдалы и самоубийстве Теодроса II вышел раньше всех других. Существует даже версия, что Стэнли якобы подкупил телеграфиста, который отправил его сообщение о победе при Магдале раньше, чем об этом узнало британское правительство.

Так или иначе, Стэнли стал знаменитым. Нет, еще не тем Генри Мортон Стэнли, о котором знал весь мир, но достаточно известным и популярным журналистом, чтобы обратить на себя внимание Джеймса Гордона Беннетта — владельца газеты «Нью-Йорк геральд». Это была ситуация, которую сейчас принято называть «вин-вин»: Беннетт, недавно получивший от своего отца контроль над газетой, хотел сделать ее самой высокотиражной в Соединенных Штатах, и ему нужен был «горячий» материал, который бы при этом занял читателя на долгое время.

А Стэнли нуждался в спонсоре, который финансировал бы не менее «горячую» экспедицию в малоизвестные места планеты.

Здесь нам не обойтись без хотя бы краткого изложения биографии человека, сыгравшего значительную роль в судьбе Генри Мортон Стэнли. Речь, как нетрудно догадаться, идет о Дэвиде Ливингстоне. В чем-то их судьбы, Ливингстона и Стэнли, схожи, хотя по характеру это были разные люди. Дэвид родился в 1813 году в бедной шотландской семье, с 10 лет вынужден был работать на ткацкой фабрике. Несмотря на непростые условия, юноша сумел получить образование, самостоятельно выучил греческий язык и латынь и в дальнейшем сумел поступить в университет. Он изучал геологию, продолжая работать на фабрике. В итоге упорный молодой человек получил докторскую степень и в 1840 году ему был присвоен статус миссионера.

Следующие 15 лет Дэвид Ливингстон провел в беспрестанных путешествиях по Южной и Центральной Африке. Он сочетал в себе убеждения христианина, противника жестокого обращения с коренными жителями (и на этой почве имел немало конфликтов) и исследователя, стремившегося расширить познания об Африке. Уже в 1842 году, например, он дальше всех европейцев проник на север пустыни Калахари. А в 1844 году Ливингстон получил серьезное ранение после нападения льва — в дальнейшем его левая рука навсегда осталась искалеченной. Летом 1849 года он стал первым белым, который в сопровождении африканцев-проводников пересек пустыню Калахари. В этой же экспедиции Ливингстон открыл озеро Нгами, на территории современной Ботсваны. За эти достижения шотландский путешественник был награжден Золотой медалью Королевского географического общества и денежной премией. С этого момента он стал известен европейской общественности и за его путешествиями публика стала следить с особенным вниманием.

В 1853 году Дэвид Ливингстон опубликовал свой знаменитый манифест, главная мысль которого выражалась следующими словами: «Я открою Африку или погибну». Он неутомимо продолжал исследовать Африку, в мае 1856 года достиг устья реки Замбези и завершил грандиозное путешествие, пройдя по Африканскому континенту от Атлантического до Индийского океана.

В декабре 1856 года Ливингстон наконец вернулся на родину. Здесь его встречали как национального героя. В следующем году он издал книгу «Путешествия и исследования миссионера в Южной Африке». 70 тысяч экземпляров, огромный по тем временам тираж, разошлись в кратчайшие сроки. Его путешествия возбудили невероятный исследовательский интерес не только в Англии, но и в других странах.

В марте 1858 года Ливингстон снова отправился в Африку. На этот раз он уже имел статус консула британской короны, помощников и хорошо оснащенную экспедицию. Что, однако, не уберегло его от трудностей и опасностей, к которым добавились еще семейные проблемы и трагедии. Экспедиция завершилась летом 1864 года, а в 1866 году Дэвид Ливингстон снова покинул Великобританию, чтобы совершить третью экспедицию по Африканскому континенту.

С географической точки зрения главной задачей путешествия было исследование центральноафриканских водоразделов и выяснение настоящих истоков Нила. Экспедиция проходила весьма драматично. В начале 1867 года у него украли ящик практически со всеми медикаментами, что для не блещущего здоровьем Ливингстона было настоящей катастрофой. Тем не менее, он упорно продолжал двигаться вперед, исследовал озеро Танганьика, открыл еще несколько озер. В марте 1871 года достиг притока Конго Луалабы вблизи Ньянгве — крайней северо-западной точки своих африканских странствий. До него так далеко на запад в этих местах не входил ни один европеец.

Тем временем в Британии и Европе все меньше получали известий о судьбе Ливингстона. В силу ряда причин, посылаемые им письма не доходили до адресатов.

Наконец, с 1869 года сообщения от Ливингстона перестали приходить вовсе. На его поиски было отправлено несколько экспедиций. Идея послать такую экспедицию пришла в голову и Джеймсу Гордону Беннету.

\* \* \*

В октябре 1869 года Стэнли находился в Испании, где писал репортажи о событиях испанской революции, когда получил телеграмму от владельца «Нью-Йорк геральд»: «Приезжайте срочно в Париж». Когда Беннетт изложил Стэнли свою задумку, это стало для молодого журналиста неожиданностью. Но он сразу понял, что это великолепный шанс для него. И этот шанс он использовал.

Подготовка экспедиции шла долго и весьма непросто. В марте 1871 года Стэнли прибыл в Занзибар. Здесь ему предстояло найти носильщиков — другого способа нести багаж через тропический лес не было.

Нужно отметить, что со временем сформировалось стереотипное отношение к двум личностям: Ливингстон — воплощение христианской кротости, который добивался поставленных целей исключительно добротой и убеждением, и Стэнли — продукт своего времени, опиравшийся на силу и превосходство. В этом есть доля правды — но только доля. Стэнли, прошедший через Гражданскую войну в США и переосмысливший свое отношение к афроамериканцам, считал непреложным факт, что люди с другим цветом кожи — это тоже люди. Что, надо сказать, было несвойственно подавляющему большинству его современников. «Для европейца, приехавшего в Африку, — писал он в своей книге “Как я отыскал Ливингстона”, — весьма интересно пройтись по кварталам местных жителей Занзибара — Ваниамвези и Вазавагили. Здесь он поймет, что африканцы — такие же люди, как и он сам, хотя и другого цвета кожи; что они имеют свойственные каждому человеку страсти и предрассудки, симпатии и антипатии, вкусы и чувства. Чем скорее он смирится с этим фактом, тем легче ему будет путешествовать между различными племенами Внутренней Африки. Я прожил некоторое время между чернокожими жителями наших южных штатов и встречал между ними людей, дружбой с которыми мог только гордиться. Таким образом, я привык ценить людей по их внутренним качествам, как и всех моих ближних, а не по цвету кожи и племени». И такое отношение к коренным обитателям Африки во многом помогло ему добиться поставленной цели — «найти человека где-то в Центральной Африке».

Чтобы найти Ливингстона, Стэнли и его спутникам пришлось пройти 1100 км через джунгли. Через несколько дней после выхода из Занзибара от укуса мухи цеце умер жеребец, на котором ехал Генри. Его сопровождали два европейца — оба скончались от тропических болезней; такая же участь постигла многих носильщиков, а часть из них сбежала, прихватив с собой ценный груз. Но 10 ноября 1871 года Стэнли и Ливингстон все-таки встретились в городе Удиджи (сейчас это крайний запад Танзании). И Стэнли произнес свою знаменитую фразу: «Доктор Ливингстон, я полагаю?» — ставшую хрестоматийной, или, как принято сейчас говорить, мемом. Опять же, сейчас биографы, анализируя документы, утверждают, что эта фраза на самом деле не звучала. Но даже если это и так, в данном случае «вольность» Стэнли вполне простительна, ведь он добился цели, которая подавляющему большинству его современников казалась нереальной.

К тому моменту Дэвид Ливингстон пребывал в угнетенном состоянии как в физическом плане, так и в духовном. Так что помощь от Стэнли подоспела очень вовремя. После того как шотландский миссионер немного поправился, они вместе продолжили путешествие, обойдя северную часть озера Танганьика и установив, что оно не сообщается с Нилом. Стэнли уговаривал Ливингстона вернуться в Великобританию, но тот упорно отказывался, считая, что его миссия еще не завершена. В феврале 1872 года они расстались.